

В. ДРАГУНСКИЙ,
В. ОСЕЕВА и К°

САМЫЕ СМЕШНЫЕ
РАСКАЗЫ
про ШКОЛУ

#ШКОЛЬНОПРИКОЛЬНО

«МАЛЫШ»

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Буква «ты»

Учил я когда-то одну маленькую девочку читать и писать. Девочку звали Иринушка, было ей четыре года пять месяцев, и была она большая умница. За каких-нибудь десять дней мы одолели с ней всю русскую азбуку, могли уже свободно читать и «папа» и «мама», и «Саша» и «Маша», оставалась у нас невыученной одна только самая последняя буква — «я».

И тут вот, на этой последней буковке, мы вдруг с Иринушкой и споткнулись.

Я, как всегда, показал ей букву, дал как следует её рассмотреть и сказал:

— А это вот, Иринушка, буква «я».

Иринушка с удивлением на меня посмотрела и говорит:

— Ты?

— Почему «ты»? Что за «ты»? Я же сказал тебе: это буква «я».

— Буква «ты»?

— Да не «ты», а «я».

Она ещё больше удивилась и говорит:

— Я и говорю «ты».

— Да не я, а буква «я».

— Не ты, а буква «ты»?

— Ох, Иринушка, Иринушка. Наверно, мы, голубушка, с тобой немного переучились. Неужели ты в самом деле не понимаешь, что это не я, а что это буква так называется «я»?

— Нет, — говорит, — почему не понимаю? Я понимаю.

— Что ты понимаешь?

— Это не ты, а это буква так называется: «ты».

Фу! Ну в самом деле, ну что ты с ней поделаешь? Как же, скажите на милость, ей объяснить, что я — это не я, ты — не ты, она — не она и что вообще «я» — это только буква?

— Ну, вот что, — сказал я наконец, — ну, давай скажи как будто про себя: я. Понимаешь? Про себя. Как ты про себя говоришь.

Она поняла как будто. Кивнула. Потом спрашивает:

— Говорить?

— Ну-ну... конечно.

Вижу — молчит. Опустила голову. Губами шевелит.

Я говорю:

— Ну, что же ты?

— Я сказала.

— А я не слышал, что ты сказала.

— Ты же мне велел про себя говорить. Вот я потихоньку и говорю.

— Что же ты говоришь?

Она оглянулась и шёпотом — на ухо мне:

— Ты!

Я не выдержал, вскочил, схватился за голову и забегал по комнате.

Внутри у меня уже всё кипело, как вода в чайнике. А бедная Иринушка сидела, склонившись над букварём, искоса посматривала на меня и жалобно сопела. Ей, наверно, было стыдно, что она такая бестолковая.

Но и мне тоже было стыдно, что я, большой человек, не могу научить маленького человека правильно читать такую простую букву, как буква «я».

Наконец я придумал всё-таки. Я быстро подошёл к девочке, ткнул её пальцем в нос и спрашиваю:

— Это кто?

Она говорит:

— Это я.

— Ну вот... Понимаешь? А это буква «я».

Она говорит:

— Понимаю...

А у самой уж, вижу, и губы дрожат и носик сморщился — вот-вот заплачет.

— Что же ты, — я спрашиваю, — понимаешь?

— Понимаю, — говорит, — что это я.

— Правильно. Молодец. А это вот буква «я». Ясно?

— Ясно, — говорит. — Это буква «ты».

— Да не «ты», а «я»!

— Не я, а ты.

— Не я, а буква «я»!

— Не ты, а буква «ты»!

— Не буква «ты», господи боже мой, а буква «я»!

— Не буква «я», господи боже мой, а буква «ты».

Я опять вскочил и опять забегал по комнате.

— Нет такой буквы! — закричал я. — Пойми ты, бестолковая девчонка! Нет и не может быть такой буквы! Есть буква «я». Понимаешь? Я! Буква «я»! Изволь повторять за мной: я! я! я!..

— Ты, ты, ты, — пролепетала она, едва разжимая губы. Потом уронила голову на стол и заплакала. Да так громко и так жалобно, что весь мой гнев сразу остыл. Мне стало жалко её.

— Хорошо, — сказал я. — Как видно, мы с тобой и в самом деле немного заработались. Возьми свои книги и тетрадки и можешь идти гулять. На сегодня хватит.

Она кое-как запихала в сумочку своё бахралишко и, ни слова мне не сказав, спотыкаясь и всхлипывая, вышла из комнаты.

А я, оставшись один, задумался: что же делать? Как же мы в конце концов перешагнём через эту проклятую букву «я»?

«Ладно! — решил я. — Забудем о ней. Ну её. Начнём следующий урок прямо с чтения. Может быть, так лучше будет».

И на другой день, когда Иринушка, весёлая и раскрасневшаяся после игры, пришла на урок, я не стал ей напоминать о вчерашнем, а просто посадил её за букварь, открыл первую попавшуюся страницу и сказал:

— А ну, сударыня, давайте-ка почитайте мне что-нибудь.

Она, как всегда перед чтением, поёрзала на стуле, вздохнула, уткнулась и пальцем и носиком в страницу и, пошевелив губами, бегло, не переводя дыхания прочла:

— Тыкову дали тыблоко.

— Что такое?! Какому Тыкову? Какое тыблоко? Что ещё за тыблоко?

Посмотрел в букварь, а там чёрным по белому написано:

«Якову дали яблоко».

Вам смешно? Я тоже, конечно, посмеялся. А потом говорю:

— Яблоко, Иринушка! Яблоко, а не тыблоко!

Она удивилась и говорит:

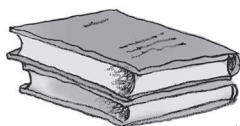
— Яблоко? Так, значит, это буква «я»?

Я уже хотел сказать: «Ну, конечно, «я». А потом спохватился и думаю: «Нет, голубушка. Знаем мы вас. Если скажу «я» — значит, опять пошло-поехало? Нет, уж сейчас мы на эту удочку не попадёмся».

И я сказал:

— Да, правильно. Это буква «ты».

Конечно, не очень-то хорошо говорить неправду. Даже очень нехорошо говорить неправду. Но что же поделаешь? Если бы я сказал «я», а не «ты», кто знает, чем бы всё это кончилось. И, может быть, бедная Иринушка так всю жизнь и говорила бы: вместо «яблоко» — тыблоко, вместо «ярмарка» — тырмарка, вместо «якорь» — тыкорь и вместо «язык» — тызык. А Иринушка, слава богу, выросла уже большая, выговаривает все буквы правильно, как полагается, и пишет мне письма без одной ошибки.

В. ОСЕЕВА

Рекс и Кекс

Слава и Витя сидели на одной парте.

Мальчики очень дружили и как могли помогали друг другу. Витя помогал Славе решать задачи, а Слава следил, чтобы Витя правильно писал слова и не пачкал свои тетради кляксами. Однажды они сильно поспорили:

— У нашего директора есть большая собака, её зовут Рекс, — сказал Витя.

— Не Рекс, а Кекс, — поправил его Слава.

— Нет, Рекс!

— Нет, Кекс!

Мальчики поссорились. Витя ушёл на другую парту. На следующий день Слава не решил заданную на дом задачу, а Витя подал учителю неряшливую тетрадь. Спустя несколько дней дела пошли ещё хуже: оба

мальчика получили по двойке. А потом они узнали, что собаку директора зовут Ральф.

— Значит, нам не из-за чего ссориться! — обрадовался Слава.

— Конечно, не из-за чего, — согласился Витя.

Оба мальчика снова уселись на одну парту.

— Вот тебе и Рекс, вот тебе и Кекс. Противная собака, две двойки мы из-за неё схватили! И подумать только, из-за чего люди ссорятся!..

Долг

Принёс Ваня в класс коллекцию марок.

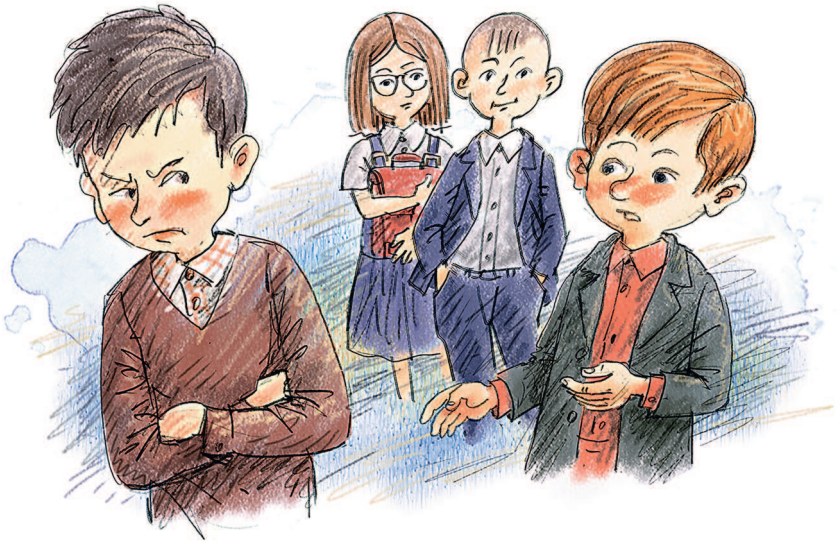
— Хорошая коллекция! — одобрил Петя и тут же сказал: — Знаешь что, у тебя тут много марок одинаковых, дай их мне. Я попрошу у отца денег, куплю других марок и верну тебе.

— Бери, конечно! — согласился Ваня.

Но отец не дал Пете денег, а сам купил ему коллекцию. Пете стало жаль своих марок.

— Я тебе потом отдам, — сказал он Ване.

— Да не надо! Мне эти марки совсем не нужны! Вот давай лучше в пёрышки сыграем!

Стали играть. Не повезло Пете — проиграл он десять перьев. Насупился.

— Кругом я у тебя в долгу!

— Какой это долг, — говорит Ваня, — я с тобой в шутку играл.

Посмотрел Петя на товарища исподлобья: нос у Вани толстый, по лицу веснушки рассыпались, глаза какие-то круглые...

«И чего это я с ним дружу? — подумал Петя. — Только долги набираю». И стал он от товарища бегать, с другими мальчиками дружить, и у самого какая-то обида на Ваню.

Ляжет он спать и мечтает:

«Накоплю ещё марок и всю коллекцию ему отдам, и перья отдам, вместо десяти перьев — пятнадцать...»

А Ваня о Петиных долгах и не думает, удивляется он: что это такое с товарищем случилось?

Подходит как-то к нему и спрашивает:

— За что косишься на меня, Петя?

Не выдержал Петя. Покраснел весь, наговорил товарищу грубостей:

— Ты думаешь, ты один честный? А другие нечестные! Ты думаешь, мне твои мар-ки нужны? Или перьев я не видел?

Попятился Ваня от товарища, обидно ему стало, хотел он что-то сказать и не смог.

Выпросил Петя у мамы денег, купил перьев, схватил свою коллекцию и бежит к Ване.

— Получай все долги сполна! — Сам радостный, глаза блестят. — Ничего за мной не пропало!

— Нет, пропало! — говорит Ваня. — И того, что пропало, не вернёшь ты уже никогда!

Три товарища

Витя потерял завтрак. На большой перемене все ребята завтракали, а Витя стоял в сторонке.

— Почему ты не ешь? — спросил его Коля.

— Завтрак потерял...

— Плохо, — сказал Коля, откусывая большой кусок белого хлеба. — До обеда далеко ещё!

— А ты где его потерял? — спросил Миша.

— Не знаю... — тихо сказал Витя и отвернулся.

— Ты, наверное, в кармане нёс, а надо в сумку класть, — сказал Миша.

А Володя ничего не спросил. Он подошёл к Вите, разломил пополам кусок хлеба с маслом и протянул товарищу:

— Бери, ешь!

Навестила

Валя не пришла в класс. Подруги послали к ней Мусю.

— Пойди и узнай, что с Валею: может, она больна, может, ей что-нибудь нужно?

Муся застала подружку в постели. Валя лежала с завязанной щекой.

— Ох, Валечка! — сказала Муся, присаживаясь на стул. — У тебя, наверно, флюс! Ах, какой флюс был у меня летом! Целый нарыв! И ты знаешь, бабушка как раз уехала, а мама была на работе...

— Моя мама тоже на работе, — сказала Валя, держась за щеку. — А мне надо бы полосканье...

— Ох, Валечка! Мне тоже давали полосканье! И мне стало лучше! Как пополощу,